

Кадзаев Ахсарбек Михайлович

Магистрант НАЧОУ ВПО СГА

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

**Взаимодействие следователя с органами, осуществляющими
оперативно-розыскную деятельность**

Аннотация. Статья посвящена правовым аспектам взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность; рассматривает нововведения в законодательстве, регламентирующим рассматриваемые отношения.

Ключевые слова: преступление, оперативно-розыскная деятельность, следователь, дознание, уголовно-процессуальный закон.

Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ в положения ч. 1 ст. 144 УПК РФ были внесены существенные уточнения, допускающие на этапе «рассмотрения сообщения о преступлении возможность взаимодействия следователя с органами дознания, также осуществляющими и оперативно-розыскную деятельность» [4, с. 47].

В дальнейшем Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ диспозиция ч. 1 ст. 144 УПК изложена в новой редакции, сохранившей возможность указанного взаимодействия, а в ч. 3 ст. 144 УПК закреплено и «право продления уполномоченными субъектами уголовно-процессуальной деятельности срока рассмотрения сообщения о преступлении» [3, с. 67].

Такие нововведения федерального законодателя порождают необходимость проведения дискуссии, суть которой состоит в следующем.

До принятия указанных изменений после поступления сообщения о наличии явных признаков совершенного преступления определенное

объединение усилий следователя с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, происходило непосредственно на месте происшествия в ходе совместной работы оперативной группы. Как правило, содержание такого объединения усилий сводилось к опросу очевидцев не только следователем, но и сотрудниками органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. При этом поручения о необходимости выполнения проверочных мероприятий органу дознания давались следователем в устной форме, а полученные органом дознания сведения приобщались следователем к материалам проводимой проверки. В некоторых случаях дополнительные материалы, собранные по поручению следователя, в дальнейшем направлялись ему начальником органа дознания с соответствующим сопроводительным письмом.

В настоящее время в соответствии с положениями ч. 1 ст. 144 УПК при проверке сообщения о преступлении «дознатель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, который установлен УПК, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий» [1, с. 68].

Не останавливаясь подробно на вопросах о возможности дачи органом дознания и дознавателем письменного поручения органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, относительно необходимости проведения оперативно-розыскных (розыскных) мероприятий, при исследовании которого также могут быть обозначены актуальные проблемы предварительного расследования, представляется возможным акцентировать внимание на

проблемах, возникающих в процессуальной деятельности следователя и его ведомственного руководителя, при объединении усилий с органом дознания на этапе проверки сообщения о преступлении.

Ранее, т. е. до внесения указанных изменений в уголовно-процессуальный закон, возможность взаимодействия следователя с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, допускалась лишь после возбуждения уголовного дела и производилось оно в рамках исполнения органом дознания письменных поручений следователя о производстве отдельных следственных действий, розыскных мероприятий, а также в процессе привлечения сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, к работе в рамках следственной группы. Эти нормы и в настоящее время продолжают применяться. Так, согласно п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК «следователь уполномочен давать органу дознания в случаях и порядке, установленных УПК, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий» [1, с. 32]. Исходя из содержания ч. 1 ст. 152 УПК, следователь вправе поручить органу дознания производство следственных или розыскных действий. Согласно ч. 2 ст. 163 УПК «к работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» [1, с. 78].

Следует отметить, что оперативно-розыскные мероприятия по своему содержанию входят в оперативно-розыскную деятельность, которая носит самостоятельный характер и теоретически определяется в качестве деятельности оперативных подразделений государственных органов в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. При этом общеизвестным является (применяемое в теории оперативно-розыскной деятельности) ее деление на два вида, а именно — осуществление оперативно-розыскной деятельности от лица и от преступления. В отличие от второго в первом случае должностные лица органа,

осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, обязаны проверить без возбуждения уголовного дела сведения о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление. В этом случае речь может идти и о сообщении, в котором указывается на потенциальную возможность совершения преступления либо отражен факт определенного преступного поведения. Указанная информация также подлежит соответствующей проверке органом дознания. Соответственно, целью оперативно-розыскной деятельности также является и выявление фактов приготовления к совершению преступления, совершенных преступных посягательств наряду с тем, что после констатации наличия события преступления надлежит установить обстоятельства его совершения, в том числе лицо, виновное в его совершении.

Получение такого сообщения о преступлении, рассматриваемого в качестве сообщения, полученного из иного источника, создает для следователя обязанность проведения процессуальной проверки, на что нас ориентирует федеральный законодатель. Соответственно, «назначение проводимой следователем проверки будет направлено на установление (уточнение) содержания качества поступившей информации органа дознания с позиции соответствия изложенных в сообщении о преступлении сведений фактическим обстоятельствам происшедшего и соотношения этих сведений (признаков) с диспозицией норм материального права, определяющих совокупность определенных составляющих в качестве общественно опасного деяния» [6, с. 15].

Гипотетически сообщение о преступлении может поступить непосредственно к следователю, в орган дознания либо одновременно в различные ведомства, компетентные должностные лица которых могут определить различный порядок его рассмотрения. При этом не исключена ситуация самостоятельного начала проведения определенных проверочных мероприятий следователем и органом дознания одновременно. В связи с этим сложно, например, в случае дачи письменного поручения органу дознания в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 144 УПК, «заранее преопределить мнение

соответствующего начальника относительно обоснованности формируемого убеждения следователя о наличии в поступившем сообщении признаков совершенного преступления, необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий без итогового выражения мнения следователя в процессуальной форме» [3, с. 67]. Аналогичная ситуация может быть и в случае, если первоначально проверка сообщения о преступлении проводилась органом дознания, применяющим средства осуществления оперативно-розыскной деятельности, а в дальнейшем полученная информация была направлена следователю в одной из предусмотренных нормативными актами форм, которые будут являться поводом для начала проведения процессуальной проверки. Здесь же следует отметить, что наличие такого режима тоже может создать сложности в обосновании мотивации применения следователем положений ч. 3 ст. 144 УПК, допускающей право продления руководителем следственного органа срока рассмотрения сообщения о преступлении до 30 суток при необходимости проведения органом дознания оперативно-розыскных мероприятий.

Поэтому формируемое внутреннее убеждение следователя в ходе проведения им проверки относительно наличия либо отсутствия подтверждения признаков совершенного преступления в полученном им сообщении может не найти поддержки со стороны должностных лиц органа дознания, что также в принципе исключает возможность осуществления взаимодействия как взаимно согласованной и не оспариваемой деятельности правоохранительных органов, направленной в силу ч. 2 ст. 21 УПК на осуществление уголовного преследования путем установления события преступления, изобличения лица, виновного в его совершении.

В случае же получения следователем в период проведения процессуальной проверки аналогичного сообщения о преступлении от органа дознания (в предусмотренной нормативными актами форме) возможность повторного начала проведения процессуальной проверки исключена в принципе. Схожая ситуация может возникнуть и при проверке следователем

сообщения о преступлении, изложенного в соответствующем обращении, в ходе которой органом дознания на основании поручения следователя может быть представлена общая информация, например об отсутствии сведений, подтверждающих факт совершения преступления. С учетом того что четко обозначенные в нормативных актах формы представления следователю результатов оперативно-розыскной деятельности являются поводами для начала проведения процессуальной проверки, такая информация, поступившая на этом этапе, подлежит приобщению к имеющимся материалам с целью последующей проверки следователем изложенных сведений, а также их оценки.

Таким образом, возможность обозначения следователем в письменном поручении органу дознания необходимости параллельного проведения оперативно-розыскных мероприятий в ходе осуществления процессуальной проверки сообщения о преступлении, в том числе полученного из органа дознания, может встретить определенные трудности, так как в одном случае результаты оперативно-розыскной деятельности органа дознания могут не соответствовать предусмотренной в нормативных актах форме сообщения о преступлении, а в другом случае эти результаты, выраженные в нормативной форме и направленные следователю, могут не позволить сформировать внутреннее убеждение следователя о наличии в нем признаков совершенного преступления, исключив в дальнейшем, по мнению компетентного начальника, фактическую необходимость дополнительной оперативно-розыскной деятельности по поручению следователя, так как итоговые результаты уже представлены. Перечисленные аргументы также ставят под сомнение возможность взаимодействия следователя с органом дознания на этапе проверки сообщения о преступлении.

Как известно, установление обстоятельств события преступления, лица, совершившего преступление, и его последующее изобличение входят в содержание функции уголовного преследования и происходят в ходе ее реализации. Поступившее сообщение о преступлении, зарождавая необходимость осуществления функции уголовного преследования, побуждает ее проявление в

форме реагирования компетентных государственных органов на указанные в поступившем сообщении признаки путем начала проведения проверки. При этом сообщение о преступлении будет началом, предопределяющим возможность осуществления уголовного преследования с определенной вероятностью, степень которой зависит от многих факторов, в том числе от содержания поступившей информации, ее подтверждения имеющимися материалами и т. д. Потому в этой ситуации прежде всего самому следователю необходимо разобраться с вопросом о подтверждении наличия признаков совершенного преступления в поступившем сообщении в том числе из органа дознания. Отражение полученных результатов проверки сообщения о преступлении, по сути, возможно в двух основных процессуальных формах — постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела либо постановлении о возбуждении уголовного дела. Соответственно, принятие в дальнейшем следователем одного из предусмотренных в ч. 1 ст. 145 УПК процессуальных решений фактически разрешает указанные вопросы. Официально констатируется либо установление признаков совершенного преступления, а значит и корреспондирующая необходимость (обязанность) для должностных лиц правоохранительных органов осуществления уголовного преследования, либо отсутствие таковых признаков. Поэтому основанием для установления потенциальной возможности взаимодействия является, прежде всего, публичная констатация факта наличия признаков совершенного преступления, элементы которого находят свое отражение в постановлении о возбуждении уголовного дела, отвечающем критериям законности, обоснованности и мотивированности (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). В дальнейшем начало взаимных действий, направленных на установление обстоятельств совершенного преступления (уголовное преследование), может быть «обусловлено и исполнением данного следователем письменного поручения органу дознания в том числе о необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также использованием следователем полученных органом дознания результатов оперативно-розыскной деятельности для формирования

доказательств по уголовному делу, о чем указано в ч. 1.2 ст. 144 УПК» [5, с. 32].

Здесь же следует отметить, что при наличии сформированного внутреннего убеждения следователя об отсутствии в поступившем сообщении сведений о наличии признаков совершенного преступления и, соответственно, оснований для начала осуществления функции уголовного преследования деятельность органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, по этому сообщению может продолжаться осуществляться. Так, согласно положениям ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» основаниями для проведения оперативно-розыскных мероприятий являются: «наличие возбужденного уголовного дела; ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела» [2, с. 122]. При этом орган дознания может иметь в наличии оперативную (секретную) информацию, опровергающую либо ставящую под сомнение выводы следователя, изложенные им в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела. Соответственно, ценность такой информации значительна и несомненна. Однако инициатива ее представления возможна лишь со стороны должностных лиц органа дознания, у которых по итогам оперативно-розыскной деятельности может сформироваться иное, нежели чем у следователя, мнение относительно наличия признаков совершенного преступления в определенном деянии и необходимости проверки этих сведений процессуальными средствами. Не исключена такая инициатива и со стороны прокурора, который уполномочен осуществлять надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие. Таким образом, практически возможна ситуация наличия противоположных внутренних убеждений должностных лиц правоохранительных органов при

объективно существующей, в том числе противоречивой, информации в правоохранительных органах, которую также можно и необходимо проверить.

Вместе с тем очевидно, что на этапе проверки сообщения о преступлении возможность оказания практической помощи сотрудниками органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, следователю не исключена. Так, по общим правилам, предусмотренным ч. 4 ст. 21 УПК, «требования следователя обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами» [1, с. 30]. С учетом того что следователь в соответствии с п. 6 ч. 2 ст. 38 УПК вправе осуществлять и иные полномочия, предусмотренные УПК, думается, что устные, а также письменные требования следователя органу дознания, изложенные в условной форме поручения, возможно рассматривать лишь в качестве его одномоментной просьбы об оказании определенной практической помощи при проведении процессуальной проверки для выполнения составляющих ее элементов, например получения объяснения, ответа на запрос и т. д. Такая информация будет иметь иной характер и может быть представлена органом дознания следователю в письменной форме, не предусмотренной нормативными актами, регулирующими вопросы осуществления оперативно-розыскной деятельности. О результатах исполнения такой просьбы думается возможным уведомлять следователя путем одновременного направления соответствующих материалов, что зачастую и происходит на практике.

Литература

1. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Калинин В.Н. Процессуальная регламентация предварительного расследования в результате реформы 2007 года // Государство и право. 2009. № 6.
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.Я. Сухарева. 2-е изд. М., 2014.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 05.05.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.05.2014) [Электронный ресурс] // Режим доступа: consultant.ru

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.05.1996) (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2014) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. 17 июня. Ст. 295.

5. Указ Президента РФ от 14.01.2011 № 38 (ред. от 22.05.2014) «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» (вместе с «Положением о Следственном комитете Российской Федерации») [Электронный ресурс] // Режим доступа: consultant.ru

6. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 03.02.2014) «О Следственном комитете Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Режим доступа: consultant.ru

© Бюллетень магистранта 2015 год № 1